

Оригинальная статья

Лексическая интерференция как речевое явление: обусловленность типом языковой ситуации и дискурсивной практики (на материале записей русской речи шорско-русских билингвов)

Резанова Зоя Ивановна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
<https://orcid.org/0000-0002-0550-991X>
rezanovazi@mail.ru

Рыжова Ольга Владимировна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
<https://orcid.org/0000-0002-0706-730X>

Поступила в редакцию 24.11.2021. Принята после рецензирования 28.02.2022. Принята в печать 10.03.2022.

Аннотация: Представлены результаты анализа шорско-русской лексической интерференции как речевого явления, обусловленного особенностями языковой ситуации в регионе и характером дискурсов, в которых зафиксированы заимствования. Заимствования, противопоставленные по наличию vs отсутствию эквивалента в русском языке, степени освоенности, охарактеризованы по типам дискурсивных условий, актуализирующих их в русской речи. Исследование проведено на материале записей устной спонтанной речи шорско-русских билингвов в г. Шерегеш и Таштагол, пос. Большая Суэта Кемеровской области в 2017–2018 гг. Объем материала – 23 часа звучания, более 138380 словоупотреблений. При решении задач последовательно применены полевые методы сбора материала, корпусные методы его обработки и первичного анализа, приемы социолингвистического анализа анкет респондентов, а также методы лингвистического анализа текста. Показано, что интерференция как речевое явление стимулируется особыми коммуникативными условиями, к числу которых относится несбалансированность языковой ситуации: функциональное доминирование русского языка, ограничение функций современного шорского языка, используемого в качестве средства домашнего, дружеского общения и маркера этнокультурной идентичности. Значительная часть заимствований остается в статусе речевого явления, при вхождении в язык-систему заимствования оцениваются в большинстве своем как функционально ограниченные, будучи актуализированными в дискурсах шорской идентичности. Легкость системно-языковой фонетической и морфологической адаптации к русскому языку определяется высоким уровнем его освоения в исследуемом типе билингвизма.

Ключевые слова: языковые контакты, социолингвистика, языковая ситуация, лексическое заимствование, типы заимствований, функционирование заимствований, языковая адаптация

Цитирование: Резанова З. И., Рыжова О. В. Лексическая интерференция как речевое явление: обусловленность типом языковой ситуации и дискурсивной практики (на материале записей русской речи шорско-русских билингвов). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 2. С. 177–185. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-177-185>

Full article

Lexical Interference in Oral Speech of Shor-Russian Bilinguals

Zoya I. Rezanova

Tomsk State University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0002-0550-991X>
rezanovazi@mail.ru

Olga V. Ryzhova

Tomsk State University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0002-0706-730X>

Received 24 Nov 2021. Accepted after peer review 28 Feb 2022. Accepted for publication 10 Mar 2022.

Abstract: The article introduces the Shor-Russian lexical interference as a speech phenomenon. It is determined by the peculiarities of the linguistic situation in the region and the nature of discourses where borrowings are recorded. Borrowings are opposed by the presence / absence of a Russian equivalent, the degree of development, etc. They are characterized by the types of discursive conditions that actualize the borrowings in the Russian speech. The study featured recordings of spontaneous oral speech of Shor-Russian bilinguals in the towns of Sheregesh and Tashtagol and in the village of Bolshaya Sueta (Kemerovo Region, 2017–2018). The recording time is 23 hours and encompasses more than 138,380 word tokens. The data were collected by field methods and analyzed with corpus methods, sociolinguistic questionnaires, and linguistic analysis. Interference as a speech phenomenon appeared to be stimulated by special communicative conditions, the imbalance of the language situation being one of them. The Russian language dominates functionally, while the functions of the modern Shor language are limited

to intra-family communication, close groups of friends, and a marker of ethnocultural identity. Most borrowings remain a speech phenomenon. Entering the language-system, they are generally assessed as functionally limited, being actualized in the discourses of Shor identity. The ease of systemic-linguistic phonetic and morphological adaptation to the Russian language is determined by the high level of its acquisition in the studied type of bilingualism.

Keywords: language contact, sociolinguistics, language situation, lexical borrowing, types of borrowings, functioning of borrowings, language adaptation

Citation: Rezanova Z. I., Ryzhova O. V. Lexical Interference in Oral Speech of Shor-Russian Bilinguals. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 177–185. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-177-185>

Введение

В XXI в. наблюдается ускоренный процесс взаимообогащения культур и языков. РФ с ее многонациональным составом является одной из стран, в различных регионах которой доминируют двуязычные и многоязычные языковые ситуации. Для подобных языковых ситуаций характерна функциональная несбалансированность, доминирование государственного русского языка. Безусловно, русский язык оказывает значительное влияние на контактирующие с ним языки, однако при этом сам испытывает их воздействие, что находит непосредственное отражение в речевых практиках говорящих на русском языке билингвов, для которых родным является язык коренного населения той или иной территории. К таким языкам принадлежит шорский язык, язык коренного населения Горной Шории. Шорцы проживают на севере Кузнецкого Алатау вдоль берегов реки Томь и ее притоков – Кондома и Мрассу [1]. Территории компактного проживания шорцев граничат с республиками Алтай и Хакасия. Перепись населения 2010 г. показала, что в РФ проживает 12888 шорцев и лишь 2839 из них, что составляет около 22 %, знают шорский¹.

Шорский язык относится к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы восточно-хунской ветви тюркских языков². В настоящее время в шорском языке выделяются два диалекта – мрасский (или сз-диалект, близок к хакасскому языку; лежит в основе литературного шорского языка) и кондомский (или й-диалект; обнаруживает сходства с северными диалектами алтайских языков)³.

Языковая ситуация на территории компактного проживания шорцев может быть охарактеризована как билингвальная несбалансированная, диглоссная сбалансированная. Диглоссная сбалансированность определяется тем, что два диалекта являются функционально равноправными. Несбалансированность билингвального аспекта языковой ситуации определяется доминированием русского языка во всех сферах общения, вытесняющего шорский язык в ситуации обыденной семейной и дружеской коммуникации, и проявляется основными свойствами херитажного языка,

т.е. языка, носители которого используют материнский язык только в семейном кругу, а в других ситуациях – государственный русский язык (о термине см. [2]). И в то же время шорский язык актуализирует функционирование в эстетически опосредствованной коммуникации, с выдвиганием в качестве базовой функции маркера этноязыковой идентичности [3], транслятора особой этноязыковой картины мира. Аспект миромоделирования, формирования особой картины мира применительно к близкородственному телеутскому языку был рассмотрен в работах исследователей Кемеровского государственного университета под руководством Л. А. Араевой [4–9].

Результатом активного взаимодействия двух языковых систем становится интерференция, т.е. проникновение системы одного языка, чаще всего родного, в систему второго языка. Основоположник теории языкового контактирования У. Вайнрайх определяет интерференцию следующим образом: «Те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта» [10, с. 22]. Данное явление исследуется уже длительное время применительно к разным языковым парам, в том числе к ситуациям тюрко-русского языкового взаимодействия [11–13]. В то же время до сих пор продолжают дискуссии об отнесенности интерференции к речевым или языковым явлениям: некоторые лингвисты полагают, что интерференция, в том числе и лексическая, – факты языка, элементы, вошедшие в систему контактирующего языка (В. Ю. Розенцвейг [14], Э. Хауген [15] и др.). Другие исследователи считают, что интерференция может проявляться только в речи. Такой позиции придерживается Л. А. Лазаренко, которая считает, что интерференцию нужно связывать именно с речью, потому что в самом языке происходит только процесс закрепления уже имеющихся результатов речевой интерференции, автор называет интерференцией замену в речи билингва элементов одного языка элементами

¹ ВПН-2010. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 07.02.2020).

² Курпешко-Таннашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кн. изд-во, 1993. С. 153.

³ Шорский язык. *Большая российская энциклопедия*. Режим доступа: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4945147> (дата обращения: 07.02.2020).

другого, квалифицируя их как отклонения, ошибки в речи билингва [16]. Но, закрепляясь, речевые отклонения через узус входят в систему другого языка. Именно в таком значении использовал этот термин У. Вайнрайх, говоря о вторжении норм языковой системы в пределы другой.

Интерференция является сложным языковым феноменом, типологизируемым по разным основаниям, важнейшим из которых является отнесенность результатов межязыкового взаимодействия к конкретным языковым уровням. Основы данной типологии были заложены уже У. Вайнрайхом, выделявшим лексическую, грамматическую и фонетическую интерференцию. Лексическую интерференцию он определял как воздействие разнообразными способами словаря одного языка на словарь другого языка, результатом этих процессов является заимствование лексем [10, с. 83].

Полагаем, что обсуждавшийся ранее аспект двойственной природы интерференции отражается и в определении заимствований как одного из ее видов, что можно наблюдать, например, в определениях заимствований в современных авторитетных терминологических и специализированных энциклопедических источниках, например: «1. Обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий...; 2. Слова, словообразовательные аффиксы и конструкции, вошедшие в данный язык в результате заимствования» [17, с. 146]; «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [18, с. 158].

Отметим, что при всей естественной соотнесенности описание типов заимствований как языковых явлений, как единиц, вошедших в систему языка, возможно, находящихся на разных этапах освоения, и выявление речевых практик, способствующих появлению в речи заимствований, требуют разных подходов, привлекаемого материала и – частично – разных методов, а также актуализируют разные исследовательские вопросы. Так, в настоящее время установлено, что одним из факторов, влияющим на процессы заимствования, шире – языкового смешения, является тип билингвизма [19]. В то же время не все типы билингвизма в этом аспекте исследованы, например, все еще «существует мало доступной информации о каком-либо типе языкового смешения среди тех, кто не использует язык семейного наследия часто (и даже, возможно, не говорит на нем много лет) и кто не контактирует с носителями родного языка» (прим. – перевод авторов статьи) [20, р. 25].

Следуя этой логике, мы интерпретируем проникновение лексики в языковые практики билингвов и – через их посредство – в русский язык. В данной работе мы интерпретируем лексические заимствования и как речевое, и как языковое

явление, сфокусировав свое внимание на речевых процессах включений иносистемных элементов.

Лексические заимствования как результат языкового взаимодействия обсуждаются в литературе весьма длительное время, результаты исследований излагаются в статьях, монографиях, учебных пособиях (О. С. Ахманова, И. Г. Голуб, А. В. Калинин, Б. А. Серебренников, В. Н. Ярцева и др.). В сфере внимания исследователей находятся прежде всего вопросы причин заимствований и их классы, выделяемые по разным типологически релевантным признакам. Заимствования классифицируются по способу проникновения в язык-реципиент – устный vs письменный (О. С. Ахманова, Д. Э. Розенталь, В. Н. Ярцева и др.); по наличию или отсутствию эквивалентных единиц во вступающих во взаимодействие языках (Р. А. Будагов, И. Г. Добродомова, А. В. Калинин и др.), по степени освоенности языком-реципиентом; по характеру, направлениям освоения характеризуются фонетическая, графическая, морфолого-синтаксическая, деривационная, семантическая освоенность системой принимающего языка (С. В. Воробьева, Э. Ф. Володарская, А. П. Крысин и др.).

Цель проведенного исследования – характеристика шорско-русской лексической интерференции как речевого явления, обусловленного особенностями языковой ситуации в регионе и особенностями дискурсов, в которых зафиксированы заимствования. Характеризуя заимствования из родного языка в русской речи билингва по базовым параметрам: наличие vs отсутствие эквивалента в русском языке, степень освоенности в русском языке, – выявляем типы дискурсивных условий, актуализирующие появление заимствования из родного языка в русской речи.

Методы

Работа была выполнена в рамках проекта по исследованию речевых практик и когнитивных основ языкового взаимодействия тюркско-русских билингвов и основывалась на материале записей устной спонтанной речи шорско-русских билингвов, полученных в ходе экспедиций членов Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета в г. Шерегеш и Таштагол, пос. Большая Суэта Кемеровской области в 2017–2018 гг. Материалы составляют часть базы данных лингвистически размеченного бимодального корпуса речи тюркско-русских билингвов RuTuBiC⁴.

Объем проанализированного материала – 23 часа звучания, более 138380 словоупотреблений. Проанализированные нами тексты представляют собой следующие записи:

- интервью, направленные на сбор информации о социолингвистическом статусе билингвов на основе социолингвистической анкеты (О. А. Казакевич), состоящей

⁴ Артёменко Е. Д., Буб А. С., Васильева А. В., Душейко А. С., Машанло Т. Е., Нагель О. В., Резанова З. И., Сафиуллина Е. Ш., Степаненко А. А., Темникова И. Г. Бимодальный корпус устной речи жителей южно-сибирского региона. Свидетельство о государственной регистрации базы данных RU 2019620803, 22.05.2019.

из вопросов о времени и месте его рождения, проживания, об уровне и направленности образования, профессиональной деятельности, об особенностях приобретения и использования языков; анкета включает также вопросы, направленные на портретирование социального и языкового статуса родственников информанта на трех уровнях родства [21];

- интервью, ориентированные на собирание информации о языковом опыте респондента на основе адаптированного авторами проекта опросника Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) [22];
- беседы с респондентами на свободные темы, в которых выделяются рассуждения на темы быта, этнической культуры, социальных обстоятельств жизни респондентов, членов их семьи и друзей, характеристика интересных, значимых событий в жизни, аспектов профессиональной деятельности или учебы.

Важным следствием такого варианта сбора материала является ограниченность наших выводов их приложимостью к ситуациям общения билингвов с носителями второго, приобретенного языка, не знающих материнский язык билингва, отмеченным выше дискурсивным и жанровым ограничением.

В качестве дополнительных источников использовались данные шорской грамматики [23], шорско-русских переводных словарей и текстов, посвященных шорскому языку и культуре.

Основную часть респондентов составили люди от 35 до 65 лет, относящиеся к III возрастной группе [24] с высшим образованием, одному респонденту было 30 лет (I возрастная группа) на момент анкетирования. 5 из них начали говорить на русском с 3 лет, 1 человек – с 6 лет и 7 человек – с 7 лет. По словам билингвов, в настоящее время 90 % коммуникации ведется на русском языке, а 10 % – на шорском.

Результаты получены нами последовательно с применением полевых методов сбора материала, корпусных методов его обработки и первичного анализа, приемов социолингвистического анализа собранных анкетных данных респондентов, методов лингвистического анализа текста.

Результаты

Охарактеризуем типичные коммуникативные ситуации, в которых отмечена актуализация заимствования из шорского языка в русской речи противопоставленных по признакам наличия / отсутствия эквивалентов, степени освоенности.

Наличие / отсутствие русского эквивалента

Противопоставляются заимствования, имеющие русский эквивалент, и безэквивалентная лексика, т. н. экзотизмы.

При использовании заимствований, **имеющих русский эквивалент**⁵, они чаще всего актуализируются билингвами в ситуациях рассуждений об особенностях быта, своеобразии материальной и – реже – духовной культуры шорского народа: *Вот у меня старший сын, когда был маленьким, я его учила говорить, он помнил всё, что даже вот обиход в кухне ножик, там хлеб, всё он знал, а щас внука учу, ааа, он когда пришёл, говорю, покажи мне, где щаци, он говорит, «опять, вот щаци»* (Г.Н., с. 2)⁶; *Вот торговали вот они все время говорили на тувинцев, то есть по-нашему они соиннер, а хакасцы это сарейлер* (Р.С., в. 3); *«Бичик» – это значит букварь по-русски, то есть он и на русском и на шорском языке, да. С детьми мы изучаем* (Г.Н., с. 2); *У нас бабушка вот, ведь рассказывала сказки, что, это, шорчек, шорчек, по-шорски шорчек, а вот что что обозначает, не помню... да, шорчек – это сказка* (Г.Н., с. 2).

Респонденты в процессе разговора используют шорские лексемы и одновременно переводят их, подыскивая более точный эквивалент, зная, что собеседник не владеет шорским языком: *Харын, харын. Ну, харын – это внутренности, да, кишки, собственно* (Н.С., в. 2). Иногда респонденты сомневаются в эквивалентности понятий, что, например, отражено в следующем контексте: *Ой, не на солнышке, а это, солили и вешали в теньке, как бы объяснить, это были, по-шорски скажем «чане», а по-русски это будет, ну типа, наверное, шалаша* (Г.Н., с. 2).

В нашем материале доминируют два варианта коммуникативных ситуаций, способствующих появлению типа заимствований, имеющих русские переводные эквиваленты. Преобладают варианты актуализации заимствований в ответах на вопросы о своеобразии шорской культуры, как в следующем контексте: *Любая там болезнь, праздник это все равно идет через камлание и... надо понимать, что, ну, должен быть дар, чтобы вот так вот шаманить, камлать, это не так просто. А камлать и шамла... шаманить и камлать ну, это мы камлаем, так говорим* (Н.С., в. 2).

Второй вариант актуализации – в свободных беседах, стимулированных интересом интервьюеров к шорскому языку и культуре, в рассуждениях:

- о родстве тюркских языков: *Тюркский язык – очень близкий, но, например, мы говорим баиш, а они анчалы они говорят бас, мы говорим ээ аргыштад, а они говорят*

⁵ Рассматривая процесс заимствования как речевое явление, мы фиксируем заимствования респондентов из родного шорского языка, не ставя и не решая вопрос об этимологических корнях заимствования, о собственно шорском или общетюркском, или алтайском происхождении лексемы, транскрипция в корпусе осуществляется в русской графике, элементы шорского алфавита используются только в случаях переключения кодов, когда информант намеренно актуализирует отсутствие фонетической субституции, произношение респондентами отдельных слов может отличаться от зафиксированных в словарях.

⁶ Здесь и далее фрагменты речи приводятся из базы данных корпуса текстов тюркско-русских билингвов Южной Сибири, хранящейся в Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ. Вследствие обязательств о конфиденциальности информации имена респондентов не приводятся. В корпусе информация хранится под кодовыми обозначениями, пользователю корпуса будут доступны только социолингвистически и психолингвистически релевантные характеристики информанта, личная идентификация недоступна. В данной статье контекст сопровождается инициальным идентификатором; фиксируется возраст на время записи; отнесённость к группе (1, 2, 3); образование (н – начальное, с – среднее, н-с – неполное среднее; с-с – среднее специальное, в – высшее).

аргызитат а у них *аргустав*, а у нас *авгастов* по шорски означает *лодырь* (И.А., в, 2);

- о своеобразии шорского языка по отношению к русскому, например, в следующем контексте информант рассуждает о наличии в шорском языке звука [ы]: *Счатъе – ырыс. Ырыстых – это счастливый. Ырыстыхчи – ошастливленый...* (И.А., в, 2);
- о своеобразии коммуникации в условиях билингвизма: *Я ей показываю вот пальцем, я тут это самое, говорю, шадр, она тоже берёт палец и говорит по-русски: «Половик». Я повторяю: «Половик», – она повторяет: «Шадр»* (В.С., с-с, 3).

Третья коммуникативная ситуация – ситуация коммуникативного сбоя; в этом случае в общей языковой ситуации абсолютного функционального доминирования русского языка в первую очередь актуализируется лексема родного языка, и на ходу, в актуальном времени ищется эквивалент в русском языке: *Мелко нарезанная она вот такими вот маленькими [показывает руками], как сказать это тегерик, круглешочками, и засоленная* (Н.С., в, 2).

Широко представлены в материалах корпуса речи шорских билингвов заимствования из шорского языка, не имеющие лексического эквивалента и идентичного концепта в русской языковой картине мира. При использовании в речи таких лексем, также понимая, что собеседник не знаком с использованной лексемой, наши собеседники, как правило, давали определения, характеризуя, чем отличается названное явление, предмет, событие: *Кюрмек... с это... кюрмек с рыбой, кюрмек с колбой может, кюрмек с мясом. Это закрытый пирог. Когда на лист кладется тесто, а сверху рыба или мясо* (У.Н., в, 2); *Почему у нас ставили арту, то есть напиток, вместо кваса, жажду утоляло, очень вкусный напиток, а сейчас же почти никто не ставит, только в поисках ставили, больше нигде* (С.Р., в, 3).

Абсолютно доминируют ситуации рассуждений респондентов о своеобразии национальной культуры: *У них это называется сабантуй, наверное, сабантуй. А у нас байрам да, ага* (Г.Н., с, 2); *Ну да, конкурсы, ээ, национальная кухня, стан, национальные костюмы, и те же игры – куреж, спортивные мероприятия* (Г.Н., с, 2).

При этом может возникать ситуация коммуникативного сбоя, связанная с поиском эквивалентов в русском языке, заканчивающимся описательным обозначением соответствующего референта: *...мы всегда скотину держали старики мы всегда говяжье мясо, у нас всегда было своё, потом койлеп, койлеп... шас на русский вспомню, как это будет. Иногда просто бывает, не могу переключиться, койлеп, так... баранина, вот, вспомнила, думаю, ну как же* (Н.С., в, 2).

В составе заимствований в речи наших информантов выделяется обширная группа **имен собственных**. При анализе этой группы заимствований мы опираемся на классификацию А. В. Суперанской, используя ее терминологию [25]. Из 13 классов в проанализированном материале выделяются:

- антропонимы** (имена собственные, идентифицирующие человека): *Шорская, э шорское его имя Наног, Наног, шорское имя его Наног, а по-русски его зовут Иван Захарыч; А женские какие имена, например, национальные? ... Ну, Начука, допустим, это в переводе Надежда, вот, я – Мария, у меня Марий... Марий... можно было назвать. Ещё много* (С.Г., в, 2);
- гидронимы** (названия водных объектов): *Ну, эта по-русски это как э: извиваясь, текла река Пызас, я полюбила парня, когда был он в отлучке, сколько обо мне он подумал, сколько же раз он па-подумал обо мне (смеется); Страшное наводнение. Мрассу, река, огромная* (Е.Н., в, 2);
- оронимы** (имена гор, холмов, низин и т. п.): *Да. Но наверху там, карликовые деревья, потому что там постоянно ветра и морозы, а Мустаг, Мустаг он и был Мустаг; Мустаг это шифр названия, мусс, это лёд, так, это гора, ледяная гора* (Г.Н., с, 2);
- ойконимы** (имена населенных мест): *Нет, я в начальную школу... начальную школу три класса закончил в поселке Чилису-анзас; Ну, национальный парк, вот если с Усть-Кабырзы вы когда-нибудь соберётесь сплавать, вот эту красоту вы увидите* (С.Г., в, 2); *Э... Да, работа. Потому что, вот Мундыбаши закрыли, и... ну, сам Тулеев – он вообще родом из Мундыбаши; А шас же там прям делают эти трассы через, вот, Шерегеш, и сразу Чугунаш* (Е.Н., в, 2); *Он из Кизиса. – Кизис... а это что, посёлок? ... Да, посёлок. Раньше там он большой был, там, как говорится, и магазины, и клуб, я помню, и школа – всё было* (Т.З., с-с, 2);
- теонимы и мифонимы** (имена богов и мифологических персонажей): *Ну дух огня... забыла как он называется. Таэзи? Не помню, как называется, просто волнуясь немножечко (смеется)* (Э.Н., в, 1); *Вот, а... шаманы, они являются а-эм... посредниками между людьми и между... наивысшим богом Ульгеном. У нас же Ульген там. ... Ну, почитаем духов, вот Ульгена и духов природы. И Тенгри тоже шас последнее время, как тенгрианство. Течение такое... есть же* (М.А., в, 2); *Ну Альгудек, в первую очередь, Альгудек, он всегда открывает праздник. Альгудек – это богатырь, да, шорский что вот, ааа, всегда вначале приходит Альгудек, тоже на коне приезжает, дают разрешение на проведение всего праздника* (Г.Н., с, 2);
- этнонимы** (названия наций, народов, племен и т. п.): *А в Караголе, где я училась, там семей 5 тоже было кумандинцев... Ну, видите, они делятся по сеокам* (В.С., с-с, 3); *Кызай, Саддогич, допустим, да... Шорке же вот, это все вот, почему, ээ, каргэ говорят. Усть-Янзасс, там в основном вот сеок, этот каргэлер, здесь таиштер, есть светлые, есть русые, есть вообще тёмные* (Г.Н., с, 2);

- **хрематонимы** (названия предметов и продуктов духовной и материальной культуры, например, названия периодических изданий, названия книг и т. п.): ... Он в восемьдесят восьмом уже было узаконено и в восемьдесят восьмом году у нас вот здесь в Тештеготском районе начала выпускаться газета, которая называлась «**Кызил шор**» в переводе на русский означает «**Красная Шория**» (И.А., с, 2);
- **эргонимы** (названия предприятий, учреждений, союзов, обществ): Да. На таком уровне хорошем. Но друзья у неё только ансамбль «**Ак Чаяк**». С «**Чалтысом**» она не дружит (Е.Н., в, 2);
- **космонимы и астронимы** (имена зон вселенной и отдельных небесных тел) представлены в нашем материале единичными примерами, как правило, это единицы, ставшие основанием метафорического переноса при названии шорских общественных организаций, как, например, в реплике респондента, рассказывающей об ансамбле народного танца: «**Челтыс**» – это **звезда**. Светить – это... «**Челтыс**», то есть «**свети**» и «**звезда**» - одно слово. В обшем-то это звезда (З.И., с-с, 2).

Как видим, имена собственные, заимствованные из шорского / тюркских языков, представляют собой достаточно разнородную группу, количественно представленную в нашем материале неравномерно. Различаются и типовые коммуникативные ситуации, в которых было зафиксировано их употребление. Наибольшей широтой, наибольшим разбросом коммуникативных ситуаций актуализации в материалах корпуса характеризуются разные виды географических наименований, их актуализация может возникать самым естественным образом при характеристике жизни респондентов, членов их семей, событий, социальной и природной среды существования.

Степень освоенности принимающим языком

В литературе традиционно выделяют в качестве основных способов адаптации заимствований к языку-реципиенту фонетический, графический, грамматический, семантический [26; 27]. Полагаем, что важным показателем освоенности является функциональная экспансия слова в принимающем языке, выход за пределы конкретных речевых ситуаций собственно билингвального общения, а также жанровых и дискурсивных ограничений. Как показывает наш материал записей спонтанной речи билингвов, степень системно-языковой освоенности может не находиться в непосредственной корреляции с коммуникативной экспансией.

Например, слово шорского языка в речи наших респондентов может демонстрировать базовые признаки освоенности – фонетическую и грамматическую адаптацию к системе

русского языка. Респонденты, в совершенствовании владеющие русским языком, ситуативно легко в механизмах фонетической субституции и встраивания в морфологическую структуру адаптируют слово родного языка к системным закономерностям русского языка: И копали ведь не лопатами, а тяпками, вот были, ну основания были как у лопаты, так же да, **абыл**, вот этим как бы **абылем** (Г.Н., с, 2). О графическом освоении свидетельствует официальные текстовые русскоязычные актуализации данного слова: слово **абыл** находим на сайте нацпроекта «Культура»: «Абылом называлось старинное земледельческое орудие труда, которое использовали для разрыхления почвы»⁷. И другие наименования феноменов материальной и духовной культуры шорцев, мифологические имена, названия произведений культуры и учреждений национальной культуры, актуализированные в нашем материале при обращении к соответствующей тематике в диалогах, в ответах на прямые вопросы, имеют ограниченную сферу распространения за пределами билингвальных речевых практик, как правило, будучи представлены в письменных и устных дискурсах о шорской культуре.

Среди имен собственных выделяется группа географических наименований, имеющая более широкую сферу распространения. Являясь официальными наименованиями географических, административных объектов, эти имена вошли в систему русского литературного языка, воспроизводясь в тематически неограниченных коммуникативных ситуациях.

При том что подавляющее большинство зафиксированных в нашем материале шорских заимствований относится к числу освоенных, в материале отмечены и вкрапления в русскую речь лексем шорского языка, актуализирующих в контекстах свою иносистемность. (О принципах разграничения в корпусе RuTuBic переключения кода и заимствований см. [28].) Отметим небольшое количество случаев таких контекстов, т.к. подавляющее большинство материалов корпуса представляют ситуации общения, когда билингв общался с интервьюером, не владеющим шорским языком. Ведущим показателем иносистемности является произношение лексем в соответствии с нормами шорской фонетики, реже – морфолого-синтаксическая обособленность единиц. Дополнительным маркером переключения кода могут быть указания на цитацию чужой или своей речи: А вот внук, он у меня русский, он меня понимает. Я говорю: «**Костя, кель пеере!**», – «**Иди сюда**» (Р.С., в, 3); И вот она не могла по-русски сказать: «Вот, пойдём домой, поменяемся, там это, игрушкой какой-нибудь». А, а она по-шорски говорила: «**Пульге парамас**». Это, **пурнас**, то есть, домой пойдём, поменяем (Г.Н., в, 2)⁸. Такие контексты интерпретируются нами как ситуации переключения

⁷ Абыл (Мотыга) шорский. Национальный проект «Культура». Режим доступа: <https://ar.culture.ru/ru/subject/abyly-motyga-shorskiy-1> (дата обращения: 10.10.2021).

⁸ Транскрипции и переводы шорских фрагментов подготовлены Д. М. Токмашевым.

кодов – переход говорящего с русского языка на шорский и снова на русский в линейном ряду развертывания речи. Абсолютное доминирование коммуникативных ситуаций, актуализирующих переключение кодов, – это ситуации рассуждения респондентов об особенностях шорской культуры и переход к обсуждению языкового маркирования культурного своеобразия, как в следующем фрагменте: *Ну, различные украшения чынча э..., на костные украшения – чынча..., ... ызырга – эта..., как эта... серьги... Эта..., чўстўк – эта... ... потом чўстўк* (С.Г., в, 2).

Заключение

Предметом нашего анализа была шорско-русская интерференция на лексическом уровне как речевое явление, охарактеризованы также варианты системно-языковой адаптации и степень функциональной экспансии проявлений лексической интерференции в систему русского языка. Результаты исследования согласуются с ранее полученными материалами на примере анализа других языковых пар о наличии соотносительности тематических групп заимствований и особых дискурсов как коммуникативных каналов их вхождения в систему языка [29; 30]. Лексическая интерференция как речевое явление стимулируется особыми коммуникативными ситуациями, к числу которых относится и ситуация билингвального общения, тематическая направленность коммуникации, особенности языкового опыта коммуникантов.

К более общим, но весьма значимым факторам, влияющим на процессы интерференции, следует отнести тип языковой ситуации, характер функционального распределения языков: применительно к анализируемому материалу важным считаем несбалансированность языковой ситуации, функциональное доминирование русского языка.

Отмеченное нами ранее ограничение функций современного шорского языка, выполнение им функции средства домашнего, дружеского общения и маркера этнокультурной идентичности находит отражение в характере лексических интерферентных процессов. Значительная часть заимствований остается в статусе речевого явления, при вхождении в язык-систему такие заимствования характеризуются как функционально ограниченные, актуализируясь в дискурсах шорской этнокультурной идентичности.

Легкость системно-языковой фонетической и морфологической адаптации к системным закономерностям русского языка определяется высоким уровнем его освоения в исследуемом типе билингвизма, при котором второй

(русский) язык является освоенным на высоком уровне и функционально доминирующим.

Выделенные в соответствии с традицией группы безэквивалентных заимствований и заимствований, имеющих русскоязычные лексические соответствия, актуализируются в типовых коммуникативных ситуациях. Их иноязычность осознается говорящим и комментируется. Комментарии являются либо частью значительных по объему фрагментов беседы, посвященных метаязыковым рефлексиям информантов, стимулированных собеседниками, либо, появляясь спонтанно, актуализируют метаязыковые рефлексии «по случаю».

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Междунар. научн. конф. «Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения», посвященной памяти проф. Л. А. Араевой. Кемерово, 3–5 февраля 2022 г.

Acknowledgment: The article is based on the report presented at the International Scientific Conference Relevant Issues of Linguistics and Literary Studies held in Kemerovo on February 3–5, 2022, and dedicated to the memory of Prof. L. A. Araeva.

Финансирование: Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках проекта № 14.Y26.31.0014 «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур».

Funding: This study was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as part of research topic "Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures", Grant No. 14.Y26.31.0014.

Литература / References

1. Мусаев К. М. Об отношении шорского языка к кыпчакским тюркским языкам. *Ученые записки Таврического национального университета имени В. В. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации*. 2014. Т. 27. № 3. С. 14–20. Musayev K. M. About the relation of Shor language to Kipchak Turkic languages. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta imeni V. V. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Sotsialnye kommunikatsii*, 2014, 27(3): 14–20. (In Russ.)
2. Polinsky M., Kagan O. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom. *Language and Linguistics Compass*, 2007, 1(5): 368–395. <https://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2007.00022.x>

3. Резанова З. И. Образ языка в дискурсах этнолингвистической и этнокультурной самоидентификации у современных сибирских шорцев. *Interface – Journal of European Languages and Literatures*. 2020. № 13. Р. 97–120. <https://doi.org/10.6667/interface.13.2020.118>
Rezanova Z. I. Modern Shors in Siberia – the image of language in the discourses of ethno-linguistic self-determination. *Interface – Journal of European Languages and Literatures*, 2020, (13): 97–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.6667/interface.13.2020.118>
4. Языковая картина мира телеутов, науч. ред. Л. А. Араева, отв. ред. А. В. Проскурина. 2-е изд. Кемерово: КемГУ, 2018. 280 с. *The language picture of the world of Teleuts*, eds. Araeva L. A., Proskurina A. V. 2nd ed. Kemerovo: KemSU, 2018, 280. (In Russ.)
5. Араева Л. А., Ли С. И. Когнитивное моделирование языковой картины мира коренных народов Сибири (на материале фрейма «грибы»). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2020. Т. 19. № 4. С. 76–85. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.7>
Araeva L. A., Li S. I. Linguistic world view of the indigenous peoples of Siberia: cognitive modelling (exemplified by frame "mushrooms"). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2020, 19(4): 76–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.7>
6. Араева Л. А., Ли С. И. Пропозициональное моделирование языковой картины мира (на материале разноструктурных языков). *Когнитивные исследования языка*. 2018. № 32. С. 126–133.
Araeva L. A., Li S. I. Propositional modeling of the construal of the world in typologically different languages. *Cognitive Studies of Language*, 2018, (32): 126–133. (In Russ.)
7. Араева Л. А., Керексibesова У. В. Уникальность языковой картины мира телеутов и теленгитов (на материале фрейма «обряд погребения»). *Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых и литературоведческих курсов*, науч. ред. Л. А. Араева. Кемерово: КемГУ, 2017. С. 8–13.
Araeva L. A., Kerekibesova U. V. The uniqueness of the language picture of the world of Teleuts and Telengits: the frame of "burial rite". *Problems of modern linguistics and methods of teaching language and literary courses*, ed. Araeva L. A. Kemerovo: KemSU, 2017, 8–13. (In Russ.)
8. Араева Л. А., Проскурина А. В. Язык и культура телеутов сквозь призму словообразования. *Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: мат-лы Всерос. науч. конф. с Междунар. участием*. (Барнаул, 24–26 сентября 2020 г.) Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 200–203.
Araeva L. A., Proskurina A. V. Teleut language and culture through the prism of word formation. *Fundamental problems of the humanities: experience and development prospects of RFBR research projects*: Proc. All-Russian Sci. Conf. with Intern. Participation, Barnaul, 24–26 Sep 2020. Barnaul: AltSPU, 2020, 200–203. (In Russ.)
9. Араева Л. А., Калентьева Л. С., Кузнецова В. С., Тагаев М. Дж. Пропозициональная организация терминов некровного родства в телеутском, киргизском и китайском языках. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2016. № 3. С. 79–86. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-79-85>
Araeva L. A., Kalentieva L. S., Kuznetsova V. S., Tagaev M. J. Propositional organization of the terms of in-law relationships in the Teleut, Kirghiz and Chinese languages. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (3): 79–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-79-85>
10. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища шк., 1979. 263 с.
Weinreich U. *Language contacts: State and problems of research*. Kiev: Vishcha shk., 1979, 263. (In Russ.)
11. Нагель О. В., Темникова И. Г. Интерферентное влияние татарского языка в речевых практиках татарско-русских билингов. *Русин*. 2019. № 56. С. 213–225. <https://doi.org/10.17223/18572685/56/13>
Nagel O. V., Temnikova I. G. The Tatar language transfer in the speech of Tatar-Russian bilinguals. *Rusin*, 2019, (56): 213–225. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/18572685/56/13>
12. Араева Л. А., Проскурина А. В. Пропозиционально-семантическая организация деривационных систем языков коренных малочисленных народов России в аспекте изучения русского языка. *Восток-Запад: пересечения культур: II Всемирный конгресс*. (Киото, 2–6 октября 2019 г.) Киото: Tanaka Print, 2019. Т. 1. С. 569–576.
Araeva L. A., Proskurina A. V. Propositional-semantic organization of derivational systems of the languages of the indigenous peoples of Russia in the aspect of studying the Russian language. *East-West: intersections of cultures*. II World Congress, Kyoto, 2–6 Oct 2019. Kyoto: Tanaka Print, 2019, vol. 1, 569–576. (In Russ.)
13. Араева Л. А., Керексibesова У. В. Особенности разноязычного общения в селе Кош-Агач Республики Алтай. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2018. Т. 15. № 2. С. 269–276. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2018-15-2-269-276>
Araeva L. A., Kerekibesova U. V. Peculiarities of multilingual communication in Kosh-Agach district of the Republic of Altai. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsialnost*, 2018, 15(2): 269–276. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2018-15-2-269-276>

14. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972. 80 с.
Rosenzweig V. Yu. *Language contacts. Linguistic issues*. Leningad: Nauka, 1972, 80. (In Russ.)
15. Хауген Э. Языковой контакт. *Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты*. М.: Прогресс, 1972. С. 61–80.
Haugen E. Language contact. *New in linguistics. Iss. 6. Language contacts*. Moscow: Progress, 1972, 61–80. (In Russ.)
16. Лазаренко Л. А. Лексична інтерференція в усному румунському мовленні в Україні (лінгвістичний та соціолінгвістичний аспекти). *Монознавство*. 1996. № 2-3. С. 32–38.
Lazarenko L. A. Lexical interference in Romanian oral speech in Ukraine (linguistic and sociolinguistic aspects). *Monoznavstvo*, 1996, (2-3): 32–38. (In Ukr.)
17. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. 598 с.
Akhmanova O. S. *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: Sov. entsikl., 1966, 598. (In Russ.)
18. Добродомов И. Г. Заимствование. *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: БРЭ, 2000. С. 158.
Dobrodomov I. G. Borrowing. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Yartseva V. N. 2nd ed. Moscow: GRE, 2000, 158. (In Russ.)
19. Muysken P. *Bilingual speech: a typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, xvi+306.
20. Lipski J. M. Spanish-English code-switching among low-fluency bilinguals: Towards an expanded typology. *Sociolinguistic Studies*, 2014, 8(1): 23–55. <https://doi.org/10.1558/sols.v8i1.23>
21. Казакевич О. А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края). *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2006. № 3. С. 221–231.
Kazakevich O. A. Documentation of obsolescent languages of Siberia (based on the materials from two settlements in Krasnoyarsk Territory). *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, 2006, (3): 221–231. (In Russ.)
22. Marian V., Blumenfeld H. K., Kaushanskaya M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 50(4): 940–967. [https://doi.org/10.1044/1092-4388\(2007/067\)](https://doi.org/10.1044/1092-4388(2007/067))
23. Дыренкова Н. П. *Грамматика шорского языка*. М.-Л.: АН СССР, 1941. 307 с.
Dyrenkova N. P. *Grammar of the Shor language*. Moscow-Leningad: AS USSR, 1941, 307. (In Russ.)
24. Резанова З. И., Темникова И. Г., Некрасова Е. Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие). *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 56–68. <https://doi.org/10.17223/15617793/436/7>
Rezanova Z. I., Temnikova I. G., Nekrasova E. D. Dynamics of sociolinguistic processes in Southern Siberia mirrored in bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar language interaction). *Tomsk State University Journal*, 2018, (436): 56–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/436/7>
25. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Либроком, 2012. 370 с.
Superanskaya A. V. *General theory of a proper name*. Moscow: Librokom, 2012, 370. (In Russ.)
26. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
Krysin L. P. *Foreign words in the modern Russian language*. Moscow: Nauka, 1968, 208. (In Russ.)
27. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 888 с.
Krysin L. P. *Russian word: our own and someone else's*. Moscow: Iaz. slavian. kultury, 2004, 888. (In Russ.)
28. Резанова З. И. Фрагмент разметки в лингвистическом корпусе RuTuBiC. Переключение кода или лексическое заимствование? *Вопросы лексикографии*. 2021. № 20. С. 91–104. <https://doi.org/10.17223/22274200/20/5>
Rezanova Z. I. Markup fragment in the RuTuBiC linguistic corpus. Code-switching or lexical borrowing? *Voprosy Leksikografii*, 2021, (20): 91–104. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22274200/20/5>
29. Букина Л. М., Лунькова Л. Н. Англицизмы в современных интернет-статьях на французском языке. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2015. № 2. С. 110–117.
Boukina L. M., Lunkova L. N. Anglicisms in the modern Internet articles in French. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2015, (2): 110–116. (In Russ.)
30. Кулешова Н. А. Англицизмы в испанских женских журналах. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2010. № 2. С. 34–41.
Kuleshova N. A. Anglicisms in Spanish women's magazines. *Russian Journal of Linguistics*, 2010, (2): 34–41. (In Russ.)